

RU

Чужой среди своих: репрезентация образа Другого в осетинской поэзии конца XIX – начала XX века (Г. М. Цаголов, Д. А. Гатуев)

Хетагурова Д. К.

Аннотация. Цель работы – определение проблемы самоидентификации индивида внутри архаичной этнической общности в эпоху активного роста модернистского самосознания на примере стихотворений Г. М. Цаголова и Д. А. Гатуева. Научная новизна исследования заключается в выявлении автором специфических углов преломления феномена «Другой» в осетинской поэзии конца XIX – начала XX века, впервые в истории национального литературоведения освещается тематика становления билингвальной личности в анализируемых поэтических текстах. В представленной лирике Цаголова и Гатуева выявляется путь становления человека в обществе, где индивидуальность входит в противоречие с ретроградными нормами и стереотипами. Уникальность в характерах лирических субъектов Г. М. Цаголова и Д. А. Гатуева дополняется традиционной конфронтацией между гением и толпой, поэтом и обывателями. В работе анализируются как общие черты инаковости героев поэзии Цаголова и Гатуева, так и их различия. В результате исследования обозначены грани формирования лирического «я» в рамках дихотомии «другой/чужой»: противопоставление прогрессивного разума и мира родовых традиций, невозможность диалога внутри социума, различные дефиниции аспектов одиночества (вынужденное, индивидуальное, экзистенциальное).

EN

A stranger among their own: The representation of the image of the Other in the Ossetian poetry of the late 19th century – the early 20th century (G. M. Tsagolov, D. A. Gatuev)

Khetagurova D. K.

Abstract. The aim of the work is to determine the problem of self-identification of the individual within the archaic ethnic community in the era of active growth of modernist self-awareness using the example of the poems by G. M. Tsagolov and D. A. Gatuev. The scientific novelty of the paper lies in determining how the phenomenon of the “Other” is interpreted in the Ossetian poetry of the late 19th century – the early 20th century, it is the first time in the history of national literary studies that the themes of bilingual personality formation in the analyzed poetic texts are covered. The poetry of Tsagolov and Gatuev reveals the path of a person’s development in a society where individuality conflicts with retrograde norms and stereotypes. The uniqueness of the nature of G. M. Tsagolov’s and D. A. Gatuev’s lyrical subjects is complemented by the traditional confrontation between the genius and the masses, the poet and the commoners. The work analyzes both the common features of otherness peculiar to the heroes of Tsagolov’s and Gatuev’s poetry, as well as their differences. As a result of the study, the facets of the formation of the lyrical I are outlined within the framework of the dichotomy “other/stranger”: the opposition of the progressive mind and the world of ancestral traditions, the impossibility of having a dialogue within the society, different definitions of the aspects of solitude (forced, individual, existential).

Введение

Актуальность научного исследования заключается в необходимости рассмотрения дихотомии «другой/чужой» в произведениях художественной литературы, так как в современных реалиях проблематика самоидентификации индивида становится обширным объектом историко-культурного дискурса, выходя за рамки лишь психологического, исторического, этнического, искусствоведческого или социального аспектов. Вопрос

противопоставления личности и толпы, уникаума и обыденности является злободневным не только в ретроспективе предыдущих эпох, но и в современном мире.

Для успешного достижения цели работы ставятся следующие задачи:

- 1) изучение трагедии самоидентификации «нового» лирического героя в период становления национального билингвального общества, отягощенного патриархальными нормами и стереотипами;
- 2) определение общих и различных черт характера «другого» субъекта поэзии Г. М. Цаголова и Д. А. Гатуева;
- 3) выявление влияния идей модернизма на формирование образа «другого/чужого» в произведениях Г. М. Цаголова и Д. А. Гатуева.

В статье применяются такие методы исследования, как сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, метод целостного анализа художественного произведения.

Теоретической базой явились труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные исследованию проблемы «другой/чужой» в сложном нарративе становления самоидентификации человека (Шапинская, 2012; Руднев, 2019; Феррони, 2012; Ищук-Фадеева, 2021; Баринов, 2019; Адельсгрубер, 2019; Сартр, 1990; 2004; Бахтин, 2000; Левинас, 2000); работы по определению роли поэта в мировом историческом процессе (Миллер, 2001; Бальмонт, 2010; Сологуб, 2001); материалы по анализу осетинской культуры и литературы (Магометов, 2011; Суменова, 1981; 1992).

Источниками иллюстративного материала в исследовании послужили произведения Г. М. Цаголова (Цаголов Г. М. Собрание сочинений: в 3-х т. Владикавказ: Ир, 1992. Т. 1) и Д. А. Гатуева (Гатуев Д. А. Стакан шейха. Орджоникидзе: Ир, 1981).

Практическая значимость результатов исследования заключается в научно-методологической и прикладной сфере, где они могут использоваться как учебный материал для лекционных курсов по истории осетинской литературы XX века на филологических факультетах Республики Северная Осетия – Алания.

Обсуждение и результаты

Стремление к интеграции в социокультурное пространство – важнейшее условие формирования личности. Через осознание «свое – другое» происходит становление каждого индивида, поскольку принятие и понимание другого рождает суть истинного существования.

Сопоставление «своего и чужого – одно из глубинных свойств человеческого сознания» (Адельсгрубер, 2019, с. 181), соответственно, извечная проблема бытия, потому и взаимодействия системы образов «я – другой – иной – чужой» – тема многих философских, культурологических, социальных и филологических трудов (Ф. Ницше, Ж.-П. Сартр, Э. Гуссерль, Ж. Деррида, М. Хайдеггер, М. Бубер, Э. Левинас, Ж. Лакан, Б. Вандельфельс и др.).

В художественной литературе проблема идентичности и самореализации – многогранный казуатор творческих исканий, ведь «все и каждый является я, все и каждый является другим» (Бахтин, 2000, с. 242).

Особо остро проблема взаимоотношения творческого «я» с обществом, поиска собственной самости и пути социальной коммуникации стояла на рубеже XIX–XX веков – время «душевного надлома, нервных расстройств, галлюцинаций и видений» (Миллер, 2001, с. 160), когда «сотрясаются основы политики, нравственности, экономики и искусства. Воздух насыщен предвестиями и пророчествами наступающей катастрофы» (Миллер, 2001, с. 160). Глобальность разочарований и страхов проявляется в культуре декаданса и зарождающегося модернизма, когда «общение с людьми совращает к самоанализу» (Кафка Ф. Афоризмы. Размышления об истинном пути // Кафка Ф. Собрание сочинений: в 3-х т. / пер. с нем. С. Апта. М. – Харьков: Художественная литература; Фолио, 1994. Т. 3, с. 14), а любой субъект, «проектируя себя и теряя себя вовне... существует как человек» (Сартр, 1990, с. 343). Изменения проникают во все сферы человеческого существования по всему миру, включая и такие отдаленные южные границы России, как Северный Кавказ.

В этот период в Северной Осетии хоть и «происходит процесс дифференциации общества, социально-экономическое и политическое развитие... протекает очень медленно. Отсюда – сохранение до позднейшего времени (вплоть до вовлечения Осетии в активный водоворот капиталистических отношений) устойчивых пережитков патриархально-родового строя» (Магометов, 2011, с. 285). Укоренение стереотипов, страх и неприятие перемен рождают проблемы интеграции Осетии не только в общемировой контекст, но и вызывают расслоение внутри самого национального общества, где начинают проявляться личности, которые, несмотря на культурную преемственность (язык, традиции, общее историческое прошлое), вынуждены ломать ограниченность архаичного сознания собственного народа, доказывая необходимость и неизбежность прогресса. Такой индивид, несомненно, сталкивается с неприятием и даже агрессивным отторжением внутри этнической общности, поскольку новизна его мышления вызывает «страх, неприязнь, брезгливость, стремление избежать его или уничтожить» (Феррони, 2012, с. 122). Тем самым, пройдя путь от «иног-другого» до «чужого», такой субъект вынужден стать изгоем внутри национальной группы, белой вороной, когда, говоря на одном с ней языке, он тем не менее ею отторгается, словно «существо из иного мира» (Баринов, 2019, с. 131).

Пути осознания своей инаковости и обреченности от этого на одиночество и трагическую дифференциацию внутри родного народа проходят лирические герои Г. М. Цаголова (1871–1939) и Д. А. Гатуева (1892–1938), чьи стихотворения и станут предметом нашего анализа.

Георгий Михайлович Цаголов – видный осетинский прозаик, поэт, публицист, общественный деятель и экономист, он «внес неоценимый вклад в развитие общественной мысли Осетии» (Суменова, 1992, с. 5). Цаголов прожил

трудную, полную тяжких невзгод и перипетий жизнь. Формирование незаурядности Цаголова берет начало в семье, под влиянием яркой личности отца-священника, сложившего с себя сан, чтобы принять «активное участие в борьбе сельской бедноты с кулачеством и представителями власти» (Суменова, 1992, с. 5). От этого и в его сыне с детства лет воспитывался «дух непримиримости к социальному злу и насилию» (Суменова, 1992, с. 6).

Георгий Михайлович учился в духовной семинарии, из которой его исключили за чтение запрещенной литературы. С шестнадцати лет поэт начал свои трудовые пути от простого рабочего до телеграфиста, возчика, писаря и журналиста. Его жизненное и творческое кредо осталось неизменным как в годы царизма, так и при советской власти: борьба за счастье народа, разоблачение проблем социально-экономического положения горцев, что нашло выражение в его фундаментальном труде «Край беспросветной нужды» (1912). Приветствуя октябрьскую революцию, поэт открыто говорил о плюсах и минусах новой власти, за что тяжело поплатился. Трагический абсурд судьбы Цаголова заключается в том, что «огромный жизненный и профессиональный опыт, глубокое знание общественно-экономической жизни народов Кавказа во всех ее аспектах» (Суменова, 1992, с. 12) – все это осталось невостребованным в советском обществе, где умнейший и образованнейший представитель осетинской интеллигенции оказался не только не у дел, но подвергался систематической травле и гонениям, что привело в конечном итоге к нищете и голодной смерти.

Поэтический путь Г. М. Цаголова начинается в 90-е годы XIX века. Тематика его произведений акцентировалась на проблемах современности: певец горской бедноты, обличитель социальных изъянов, активный борец с несправедливостью. Тем не менее время зарождения модернизма с его разочарованиями и исканиями рубежа веков изменяет и реалистическую направленность поэзии Цаголова, проявляясь в характере рефлектирующего лирического героя.

Через все творчество Цаголова (от 90-х годов XIX века до 20-х годов XX века) рефреном проходит тема одиночества «иног/другого». Уже в одном из ранних стихотворений «Один» (1895) лирический субъект глубоко анализирует свою тяжкую судьбу:

Один!.. Один с гнетущим адом
 В измученной, больной груди...
 Без оживляющего взгляда,
 Без слов приветов впереди....
 В водовороте жизни шумной,
 В слезах отчизны дорогой,
 В восторгах юности безумной –
 Один, как перст, для всех чужой!
 Мечты, любовь и упования,
 Чем так нас молодость манит, –
 Все одиночества сознание,
 Как демон, губит, леденит...
 Мертвящий холод грудь сжимает,
 Как безграничный властелин...
 Блажен, кто чувствует и знает,
 Что он на свете не один (Цаголов, 1992, с. 19).

Несомненное влияние эгегических настроений декаданса в тексте проявляется в остром взгляде поэта-провидца, который в обманчивых огнях молодости читает череду будущих жизненных перипетий изгоя-одиночки, неприкаянного странника.

Истоки подобного самоощущения лирического героя берут начало в хронотопе пути самого автора: неординарный человек, сменивший множество работ и мест проживания по всей территории как Северного Кавказа, так и России в целом, пишущий на русском языке, Цаголов воспринимался как Другой, говорящий на неродном языке, непонятый, чужак – перекасти-поле. Осетинское общество начала XX века отличалось замкнутостью коллективного сознания, гипертрофированной акцентированностью на родовых традициях. Поэтому билингвальный человек будущего не смог найти понимания в патриархальной ограниченности национального социума.

Трагедия лирического «я» поэзии Цаголова заключается в отчаянном стремлении служить народу, которое оборачивается отчуждением и активным отторжением. С одной стороны, парадокс неприятия далеко не случаен, ведь испокон веков любой «художник, поэт – вечный Другой культуры. <...> Поэт наделяется необычными свойствами, он воспринимается как предсказатель, пророк, с другой – он постоянно входит в противоречие с повседневной реальностью» (Шапинская, 2012, с. 146). Поэтому осознание субъектом поэзии Цаголова своей избранности, способности воспринимать новые веяния прогресса отвергалось инертной народной массой, скованной ретроградным сознанием и страхом перед всем иным-другим-чужим.

Лирический герой в стихотворении «Тяжело» (1909) сетует на все те же проблемы самоидентификации внутри этническо-национальной группы, осознает тупиковость и абсурдность своих исканий и предвидит вынужденное изгнание из родного края:

Тяжело... Безлюдною дорогой
 Всем чужой, как странник, я бреду...

 Я – один... Все тихо, как в могиле,
 И угрюм мой одинокий путь.

О тебе ль, невзгодами томимый,
Край родной, я плачу и скорблю –
Скорбь моя горит во мне незримой...
Как чужой, незримо я люблю...

Край родной!.. Под ношей трудовой,
Может быть, в пути отстану я...
Может быть, сомкнётся надо мною
Даль чужбин... Прости тогда меня!.. (Цаголов, 1992, с. 63).

Репрезентируя свое одиночество среди своих, лирический субъект называет себя странником, бесприютным человеком, чья тоска усугубляется не только болью за свою судьбу, но также и тем, что сочувствие и любовь к народу он вправе выражать лишь украдкой, со стороны, как вынужденный изгой, лишенный даже права сострадать: «Как чужой, незримо я люблю».

В стихотворении «На чужбине» (Галичина, 1916) представлен тяжкий путь героя поэзии Цаголова за пределами родного края. Он, словно бродяга, оплакивает свою безрадостную жизнь вне Осетии:

Чужие люди... Речь чужая...
Чужое все вокруг меня...
Здесь ночь, как смерть, – могильно-злая,
И нет здесь радостей у дня...

Какой насмешкой жизнь сложилась!..
Любить свой край, народ любить,
Уж верить в явь того, что снилось...
И все затем, чтоб... где-то сгнить!.. (Цаголов, 1992, с. 72).

Чужой всюду и везде герой от тупика декаданса приходит к обыденной трагедии экзистенциализма, в философии которого человечество в целом, будучи «открытым вопросом и вечной незавершенностью» (Сартр, 2004, с. 22), обречено осознавать «безосновность, заброшенность и устрашающую свободу человеческого сознания» (Сартр, 2004, с. 22). Так и для лирического субъекта поэзии Цаголова смена места жительства ни к чему не привела: его одинокая душа всюду видит «пустоту и бессмысленность заведенного порядка вещей» (Ищук-Фадеева, 2021, с. 265). Стихотворение заканчивается горькой насмешкой над собственной судьбой: в то время, когда уже близок час освобождения (предчувствие поэтом революции 1917 года), он не может разделить новую жизнь со своим народом, вынужденный прозябать за пределами родного края.

Неудовлетворенность, нереализованность, невозможность существования в социуме приводят к созданию пророческого стихотворения «Когда умру...» (написано до 1917 года), в котором автор с горечью обличает свою глобальную отвергнутость, предвидит скорую неизбежность смерти, без пафоса констатируя:

Когда умру я, край родимый
Ничуть об этом не вздохнет,
Никто ни зримой, ни незримой
По мне слезинки не прольет.
Я в жизни мало верил в грезы,
Не верю им я и сейчас...

«Босьяк!» Нисколько не стесняясь,
Меня за то здесь так зовут,
Что я бездомником скитаюсь,
Живу кой-как то там, то тут...
Сплелись здесь все в согласном хоре –

Что я – к тому ж... не «свой» босьяк.
«Не свой»... И это ясно тоже...

Ненужный, лишний, чуженин.
Слетала ль радость, грудь ли ныла,
Гроза ль сгущалась надо мной,
Манили ль сны, иль явь давила, –
И был и есть «босьяк»... «чужой»...
Ну, что ж... Плевать!.. Без слов надгробных,
Без слез фальшивых, без речей,
В могилу лечь куда удобней...
И веселей!.. И веселей!.. (Цаголов, 1992, с. 91).

Один из самых унижительных ярлыков, которым могли в осетинском обществе обозначить неудачника-изгоя, – слово «босьяк», в случае с лирическим субъектом Цаголова трагизм удваивается еще и тем, что он даже босьяк не свой. Вся жизнь положивший на борьбу за счастье народа, он оказался не понят и отвергнут: «...ненужный, лишний, чуженин», чье экзистенциальное одиночество дополняется горечью непонимания.

Он говорит открыто о проблемах осетинского общества, но говорит на не родном для него языке. Это стихотворение – кульминация исканий героя, высшая точка осознания своей неприкаянности везде и всюду: «И был и есть “босьяк”... “чужой”...» (Цаголов, 1992, с. 91).

Неизбежность конца приветствуется лирическим субъектом в стихотворении «Я все один...» (1929), демонстрируя стремление скорее поставить точку в странной истории уникальной личности, оказавшейся невостребованной:

Как ночь осенняя, уныло
Тянулась лет моих череда...
Я не жил вовсе... Гасли силы,
Не расцветая никогда.
Я был один, как гость незванный
У очага людей чужих...
Один – средь жизни слезотканной...
Без теплых слов... Без слов родных...
Минула молодость... Как прежде,
Я все один... Все сам с собой...

Уж старость близится, угрюмо
Осыпав инеем седин...
А я, как был... Все с той же думой...
Я – все один... Один... один...
Так догорай же, жизнь, скорее!..
Пора на отдых... Я устал...
Я допиваю, не жалея,
Для всех докучный свой бокал!.. (Цаголов, 1992, с. 77-78).

Таким образом, в характере героя поэзии Г. М. Цаголова соединились отличительные особенности личности конца XIX – начала XX века: декадентская тоска и экзистенциальное одиночество. Корни его бесприютности в том, что сознанием он ушел далеко за грани патриархальной среды, в которой родился, и к тому же он билингвальный осетин, вдвойне оттого и чужой. Также в трагедии вынужденного «босьяка» Цаголова кроется еще и доказательство удручающей извечной закономерности: поэты «всегда возвещают будущее, а мы распинаем их, ибо мы живем в страхе перед неизвестным» (Миллер, 2001, с. 70-71).

Творчество осетинского писателя, поэта, публициста, революционного и общественного деятеля Дзахо (Константина) Алексеевича Гатуева относится к начальным годам XX века – времени становления нового советского государства. Гатуев, так же как и Цаголов, родился в семье священника, получил прекрасное образование в Московском университете. Всецело поддерживал революцию и в последующем принимал активное участие в становлении советской власти. Занимался журналистикой, историей Кавказа, участвовал в экспедициях и собирал этнографический материал. Жил и работал в Москве (1928) и на Северном Кавказе. Тем не менее, несмотря на все свои заслуги перед обществом и яркую деятельность на его благо, Гатуев повторил судьбы многих интеллигентов в СССР: оказавшись несправедливо обвиненным и расстрелянным в 1938 году.

В поэтических текстах Дзахо Гатуева ощущается влияние идей романтизма, реализма и символизма: «...тоска по идеалу, по благородной и высокой жизненной цели» (Суменова, 1981, с. 4). Образ «другого/чужого» прослеживается в стихотворении «Ах, зачем я хожу на праздники...» (1908), где национальный колорит является фоном для исканий лирического героя, осознающего свою инаковость в пестром водовороте жизни:

Ах, зачем я хожу на праздники,
Юноша, неумельный в пляске?
Почему не слышу проказником?
Не пою журчащие сказки?
Почему по тропинкам полночью,
Одинокий, брожу без цели,
И с набега я утром солнечным
Не гоню лошадей в ущелье?
Мой кинжал, для злой мести кованный,
И стальная кремневка деда
Не блеснули хоть раз очарованно
Ни над кем, предвещая беды.
И не пляшут со мной красавицы,
Не поют обо мне своих песен, –
Ни одна из них не печалится,
Что земля мала, что мир тесен (Гатуев, 1981, с. 13).

Если творчество Цаголова всецело сконцентрировано на внутреннем мире героя, на его страданиях и переживаниях, то субъект поэзии Гатуева более общественный элемент, он пытается влиться (хоть и безуспешно) в традиционный уклад жизни, описывая такие обычаи горцев, как кровная месть, участие в набегах, песни и пляски на праздниках.

Объяснение сплина лирического «я» Гатуева – в невозможности реализовать себя в социальных рамках национальной группы: неумелый в пляске, он не гонит лошадей, кинжал и кремневка не применяются в акте кровной мести, не влюблены в него девушки. Он этнически принадлежит родному краю, но разумом вышел далеко за его рамки, рефлексировав, размышляя над проблемами собственными и общественными, осознавая необходимость перемен, которые пока еще отвергаются народной массой. В его голосе нет трагизма, как у Цаголова, творившего в традициях декаданса рубежа XIX-XX веков. Поэзия Гатуева репрезентирует искания XX века, где «каждый субъект отражает весь мир, но со своей точки зрения» (Руднев, 2019, с. 21), всецело занятый «преодолением самого себя» (Сартр, 1990, с. 343).

В тексте прослеживается некая романтизация прошлого, когда национальные обычаи служат для создания экзотического колорита. Кровная месть, «являясь одним из атрибутов первобытно-общинного строя, весьма активно проявлялась у осетин еще в середине XIX века. В пережиточной форме она дошла даже до первых лет советской власти, когда она нередкими фактами давала еще о себе знать» (Магомедов, 2011, с. 307). Суть кровной мести в том, что каждый родственник убитого (и случайное, и намеренное убийство требовало отмщения) обязывается священным долгом мстить смертью убийце и его родственникам. Возникнув как эффективная мера самосохранения и самообороны, кровная месть вырождается со временем в тяжелый бич общества: нередко убийства и преследования шли через поколение в поколение, уничтожая мужскую ветвь рода.

В стихотворении Гатуева данный архаизм возник как типичная деталь быта. Мечь у Гатуева – романтизированный абстрактный элемент кавказской действительности, в которой не находит себе места лирический герой: «Мой кинжал, для злой мести кованный, / И стальная кремневка деда / Не блеснули хоть раз очарованно / Ни над кем, предвещая беды» (1981, с. 13).

Лирический субъект поэзии Гатуева всецело принимает свою инаковость и вынужденное одиночество, он лишь печально размышляет, осознавая тот факт, что все проявления общественной жизни для него чужды. А в конце стихотворения усиливается особое настроение («Ни одна из них не печалится, / Что земля мала, что мир тесен» (Гатуев, 1981, с. 13)), «поскольку всякая истинная поэзия кончает ирониею. Пламя лирического восторга сожигает обольстительные обличия мира, и тогда перед тем, кто способен видеть, – а слепые не творят, – обнажается роковая противоречивость и двусмысленность мира. И приходит ирония» (Сологуб, 2001, с. 521).

Так и «чужака» Гатуева отличает грустная ирония, через призму которой он видит не только проблемы общечеловеческие, но и индивидуальные в истинном свете, ведь он поэт-творец, а именно они пронизательно «властвуют над миром и проникают в его мистерии» (Бальмонт, 2010, с. 367).

У Гатуева инаковость – не только вынужденная (современный человек не вписывается в архаику прошлого), но и осознанный выбор самого героя, так как он уже изначально иной, будучи поэтом, Избранным, – и, как истинный представитель XX века, он может со спокойной обреченностью уверенно сказать о себе словами известного французского философа Э. Левинаса: «Я – это одиночество» (2000, с. 140), так как именно XX век привнес в культуру новое понимание человека, с его тотальной брошенностью во вселенной, в мире и даже в самом себе.

Заключение

Таким образом, приходим к следующим выводам. В тестах Г. М. Цаголова и Д. А. Гатуева репрезентируются пути самоидентификации билингвальной личности в пределах как национальной группы, так и в общемировом контексте. Трагизм вынужденного одиночества в поэзии Цаголова заключается в конфронтации с этносом: его искреннее стремление помочь не находит отклик, а любовь выказывается исподволь, украдкой на неродном языке. В стихотворении Гатуева дихотомия «свое/чужое» проявляется в невозможности существования героя по законам архаических традиций и стереотипов, в силу того что его сознание ощущает их неизбежную узость, а будучи поэтом-творцом и современным человеком, он открыт всему новому в стремлении привнести его на местную почву.

Отторжение лирических субъектов лирики Цаголова и Гатуева явилось результатом столкновения прогресса и регресса, когда стремление к диалогу с народом оборачивается монологом трагизма у Цаголова и тоскливым риторическим, вопрошающим сплинном у Гатуева.

Формирование образа «другого/чужого» у Цаголова проходит под влиянием эстетики декаданса (пессимизм и разочарованность сознания) и модернизма (одиночество выходит за пределы одной личности, теряясь в конечности всего сущего). Субъект поэзии Гатуева, как человек XX века, с отстраненной иронией всецело принимает и понимает свою инаковость, хоть и не согласен жить вне родины на обочине жизни.

Перспективы дальнейшего исследования строятся на продолжении изучения поэтики модернизма в осетинской литературе XX века, акцентируясь на специфике межлитературных связей и влияний.

Источники | References

1. Адельсгрубер П. Свое-чужое и вопрос о границах «цивилизаций»: австрийско-российский рубеж в записках путешественников // Другой в литературе и культуре: сб. науч. тр.: в 2-х т. М.: Новое литературное обозрение, 2019. Т. 1.
2. Бальмонт К. Д. Элементарные слова о символической поэзии // Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Книгодавек, 2010. Т. 6. Край Озириса; Где мой дом?: очерки (1920-1923); Горные вершины: сборник статей; Белые зарницы: мысли и впечатления.

3. Баринов Д. Н. Другой как чужой в пространстве политического дискурса: идентичность, архетипы и «автономия культуры» // Другой в литературе и культуре: сб. науч. тр.: в 2-х т. М.: Новое литературное обозрение, 2019. Т. 1.
4. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
5. Ищук-Фадеева Н. И. Другой в образной системе драмы Л. Толстого «Живой труп» // Другой в литературе и культуре: сб. науч. тр.: в 2-х т. М.: Ганга, 2021. Т. 2.
6. Левинас Э. Тотальность и бесконечное / пер. с фр. И. С. Вдовиной // Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М. – СПб.: Университетская книга, 2000.
7. Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе: Ир, 2011.
8. Миллер Г. Время убийц / пер. с англ. И. Стам // Миллер Г. Время убийц: эссе / пер. с англ. И. Стам, А. Зверева, З. Артемовой. СПб.: Азбука-классика, 2001.
9. Руднев В. П. «Я» и «Реальность». М.: Гнозис, 2019.
10. Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм / пер. с фр. А. А. Санина // Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж. П. Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990.
11. Сартр Ж.-П. Бодлер / пер. с фр., примеч. и статья Г. К. Косикова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
12. Сологуб Ф. К. Демоны поэтов // Сологуб Ф. К. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Интелвак, 2001. Т. 2. Мелкий бес. Роман. Рассказы. Сказки. Статьи.
13. Суменова З. Н. Г. М. Цаголов (1871-1939) // Цаголов Г. М. Собрание сочинений: в 3-х т. Владикавказ: Ир, 1992. Т. 1.
14. Суменова З. Н. Дзахо Гатуев // Гатуев Д. А. Стакан шейха. Орджоникидзе: Ир, 1981.
15. Феррони В. В. Три лика другого: «Другой», «Иной», «Чужой» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Философия». 2012. №. 1.
16. Шапинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры. М.: КРАСАНД, 2012.

Информация об авторах | Author information

Хетагурова Дзерасса Казбековна¹, к. филол. н.

¹ Владикавказский научный центр Российской академии наук

Khetagurova Dzerassa Kazbekovna¹, PhD

¹ Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

¹ dze-khe@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 03.05.2023; опубликовано (published): 10.07.2023.

Ключевые слова (keywords): дихотомия «другой/чужой»; образ Другого; осетинская литература; Г. М. Цаголов; Д. А. Гатуев; dichotomy “other/stranger”; image of the Other; Ossetian literature; G. M. Tsagolov; D. A. Gatuev.